

Литрес ≡ Классика

Антон Чехов

НЕНУЖНАЯ ПОБЕДА

Антон Павлович Чехов

Ненужная победа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74420001

Аннотация

Юная венгерская певица Илька, дочь нищего скрипача, покоряет публику своим голосом и красотой, становясь звездой салонов. Знатные поклонники, соперничество и роковые страсти превращают её жизнь в водоворот обожания и ревности, где успех и любовь оказываются неразрывно связаны с трагедией. Это произведение стоит особняком в творчестве Чехова – оно написано в духе авантюрно-романтической прозы и переносит читателя в экзотический мир венгерских графов, цыган и великосветских тайн.

Содержание

Глава I	5
Глава II	17
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Антон Павлович Чехов

Ненужная победа

Глава I

Солнце было на полдороге к западу, когда Цвибуш и Илья Собачьи Зубки свернули с большой дороги и направились к саду графов Гольдаугенов. Было жарко и душно.

В июне венгерская степь дает себя знать. Земля трескается, дорога обращается в реку, в которой вместо воды волнуется серая пыль. Ветер, если он и есть, горяч и сушит кожу. В воздухе тишина от утра до вечера. Тишина эта наводит на путника тоску. Одни только роскошные, всему свету известные, венгерские сады и виноградники не блекнут, не желтеют и не сохнут под жгучими лучами степного солнца. Они, разбросанные рукою культурного человека по сторонам многочисленных рек и речек, от ранней весны до середины осени щеголяют своею зеленью, манят к себе прохожего и служат убежищем всего живого, бегущего от солнца. В них царят тень, прохлада и чудный воздух.

Цвибуш и Илья пошли по длинной аллее. Эта аллея была кратчайшее расстояние между калиткой, выходящей в степь, и калиткой, глядящей в графский сад. Она пересекала сад на две равные части.

— Эта аллея напоминает мне линейку, которой во время оно, в школе, хлопали твоего отца по рукам, — сказал Цвибуш, стараясь увидеть конец аллеи. Конец ее пропадал и сливался с зеленою далью. Солнце не касалось ее. Она была шириною не более сажени, а деревья, стоящие по ее сторонам, посылали свои ветви навстречу друг другу. Это был туннель,

устроенный природой из масличных, дубовых, липовых и ольховых ветвей. Цвибуш и Илька вошли как под крышу. Толстый и коротконогий Цвибуш обливался потом. Лицо его было багрово, как вареная свекла. Он то и дело утирал полую короткой куртки свой влажный подбородок. Он пыхтел и сопел, как плохо смазанный молотильный паровик.

– Это – божественная прохлада, мой зяблик! – бормотал он, расстегивая своими жирными пальцами жилетку и сорочку. – Клянусь моей скрипкой. Не находишь ли ты, что мы из ада попали в рай?

Лицо Ильки было не бледней ее розовых губок. На ее большом лбу и горбинке носа светились капельки пота. Бедная девочка страшно утомилась и едва держалась на ногах. Ремень от арфы давил ей плечо, а острый край неделикатно ерзал по боку. Тень заставила ее несколько раз улыбнуться и глубже вздохнуть. Она сняла башмаки и пошла босиком. Маленькие красивые босые ноги с удовольствием зашлепали по холодному песку.

– Не посидеть ли нам? – предложил Цвибуш. – Аллея длинна, как язык старой девки. Она тянется версты на три!

– Нет, папа! Если мы сядем, то трудно будет потом вставать. Лучше дойдем до конца и там уже отдохнем.

– Так... Сегодня, мой зяблик, день твоего рождения. Что-то подарит тебе судьба, какой подарочек?

– Я желала бы, чтобы судьба подарила мне сегодня обед...

– Ишь, чего захотела! Ха-ха! Много захотела! А не жирно

ли будет, моя девочка? Не хочешь ли еще и поужинать?

– Давно уж я не ела ничего горячего... Ты не можешь вообразить себе, папа, как у меня пересохло в горле от сухого хлеба и копченой колбасы! Если бы судьба предложила сегодня мне в подарок что-нибудь на выбор: десять лет лишней жизни или чашку бульона, – я, не задумываясь, выбрала бы второе.

– И отлично бы сделала. Самый плохой бульон во много раз лучше нашей дурацкой жизни.

– Я выбрала бы второе и съела бы, и с каким аппетитом! Мне ужасно есть хочется.

Цвибуш с участием поглядел на Ильку, вздохнул и издал своими толстыми губами свистящий звук. Он всегда издавал отрывистые свистящие звуки, когда его что-нибудь тревожило или заставляло задумываться. Помолчав немного, он обратил на Ильку свои густые отвисшие брови, из-за которых выглядывали улыбающиеся глаза, и сказал:

– Ну подожди, потерпи... Я предчувствую, что подарок, который поднесет тебе сегодня судьба, будет достоин нашего внимания... Хе-хе... Я предчувствую, что мы недаром плетемся ко двору благородных графов Гольдаугенов! Хе-хе... Когда мы войдем во двор и заиграем, нас засыпят презренным металлом. Мы набьем наши карманы монетой. Ильку угостят обедом... Хе-хе... Мечтай, Илька! Чего не бывает на свете? Авось всё, что я говорю, правда!

Илька поправила на плече ремень от арфы и засмеялась.

– Нас послушает сам граф! – продолжал Цвибуш. – И вдруг, душа моя, ему, графу, залезет в голову мысль, что нас не следует гнать со двора! И вдруг Гольдауген послушает тебя, улыбнется... А если он пьян, то, клянусь тебе моею скрипкой, он бросит к твоим ногам золотую монету! Золотую! Хе-хе-хе. И вдруг, на наше счастье, он сидит теперь у окна и пьян, как сорок тысяч братьев! Золотая монета принадлежит тебе, Илька! Хо-хо-хо...

– Почему же непременно пьяный? – спросила Илька.

– Потому, что пьяный добрей и умней трезвого. Пьяный больше любит музыку, чем трезвый. О, моя сладкоголосая квинта! Не будь на этом свете пьяных, недалеко бы ушло искусство! Молись же, чтобы те, которые будут нас слушать, были пьяны!

Илька задумалась. Да, Цвибуш немножко прав! До сих пор монеты бросали ей большею частью одни пьяные. Не будь пьяных, ей и ее отцу пришлось бы голодать чаще, много чаще. Играть им чаще всего приходилось у трактиров и у кабаков, а не перед чистенькими крылечками трезвых бюргеров. Слушали их больше мужчины, отличительною чертою которых служат обрюзгшее лицо, большой красный нос и бессвязные пошлые слова. Илька задумалась на эту невеселую тему, и ей стало горько, досадно. Ей стало понятно теперь, почему на козлиное пение и пошлые шуточки ее отца обращается больше внимания, чем на ее песни, – почему очень часто просят ее пение заменить пляской. Нередко пес-

ня ее прерывалась на середине и заменялась бессмысленной пляской под визжание отцовской скрипки. До сих пор еще ни один слушатель не заинтересовался узнать, кто сочинил те песни, которые она поет с таким чувством. «Песня о трех рыцарях» и бессодержательная плясовая выслушивались с одинаковым интересом.

– Трезвые презирают нас с тобой, потому что видят в нас попрошайек, а пьяные допускают нас к себе, потому что мы своей музыкой заглушаем несколько их головную боль.

Этими словами Цвибуш довел досадующую Ильку до уныния. Ей захотелось заплакать и поломать себе что-нибудь... хоть пальцы, например. Но не ломаются пальцы, как ни крути и не верти их; пришлось ограничиться одними только слезами.

– Приветствую дом почтенных графов Гольдаугенов! – пробормотал Цвибуш.

Он увидел калитку, сотканную из тонкой проволоки, увитой цветущим горошком.

– Приветствую! Человек, не имеющий предков, вступает в логовище людей, имеющих предков, предков-негодяев! Лучше ничто, чем подлое! В семнадцатом столетии граф Карл Гольдауген, женившись не на дворянке, умер от угрызения совести, а его брат, Мориц, плясал целый месяц от радости после того, как святой отец разрешил ему развестись с женщиной, которую он, Мориц, обокрал и вогнал в чухотку. Видишь ты, моя птичка, этот дом? Если бы можно было тебе

раскрыть историю этого дома и взглянуть в нее, ты воскликнула бы: «Скотина человек!» – и ты, не знающая ни одного скверного слова, выбранилась бы так, как бранятся...разве одни только русские! Помнишь, милая, русских? Их слово так же крепко, как и их холод. Да будут наши инструменты настроены!

Цвибуш настроил скрипку. Илька фартуком отерла с арфы пыль.

– Судьба, делаем тебе вызов! Поднимай несуществующую перчатку!

Цвибуш и Илька вытянулись, приняли веселые физиономии и молодцами вошли в графский двор. Несмотря на жаркое время двор не был пуст. На нем кипели работы. Человек двадцать рабочих в синих блузах, запыленные, закопченные и вспотевшие, мостили асфальтом двор. Из трех чанов валил сизый дым.

Цвибуш и Илька бойко подошли к самому дому. Окинув взглядом окна, они увидели в самом большом окне большую человеческую физиономию... Физиономия была красна.

– Граф! – пробормотал Цвибуш. – Кажется, он! Сбывается мое пророчество! И пьян к тому же... Начинай!

Илька ударила по арфе. Цвибуш топнул ногой и поднес к подбородку скрипку. Рабочие, услышав музыку, обернулись. Красная физиономия в окне открыла глаза, нахмурилась и поднялась выше. Позади красной рожи мелькнуло женское лицо, мелькнули руки... Окно распахнулось...

– Назад, назад! – послышалось с окна. – Прочь со двора! Вы! Музыканты, чтобы чёрт вас взял с вашей музыкой!

Красная физиономия высунулась из окна и замахала рукой.

– Играйте, играйте! – закричал женский голос. Рабочие оставили работу и, почесываясь, подошли к музыкантам. Они стали впереди, чтобы им было видно лицо Ильки.

«Есть на свете много стран, – запела Илька, перебирая пальцами струны, – прекрасных, и светлых, как солнце, и богатых; и лучше же их всех Венгрия с своими садами, пастбищами, климатом, вином и быками, которые имеют рога в сажень длиною. Илька любит эту страну. Она любит и людей, которые ее населяют».

Красная физиономия улыбнулась и масляными глазками уставилась на Ильку.

«Люди ее хороши, – продолжала петь Илька. – Они красивые, храбры, имеют красивых жен. Нет тех людей, которые могли бы победить их на войне или в словесных спорах. Народы завидуют им. Один только и есть у них недостаток: они не знают песни. Песнь их жалка и ничтожна. Она не имеет задора. Звуки ее заставляют жалеть о Венгрии...»

– Господин Пихтерштай, главный управляющий его сиятельства, приказывает вам спеть что-нибудь повеселей! – пробасил подошедший к Ильке лакей в красной куртке.

Голос Ильки умолк. Девочке не удалось высказать до конца свою мысль.

– Повеселей? Гм... Скажите его сиятельству господину Пихтерштай, что его желание будет тщательно исполнено! Впрочем, я сам буду иметь честь объясняться с ним!

Сказавши это, Цвибуш снял шляпу, подошел к большому окну и шаркнул ногой.

– Вы приказываете, – спросил он, почтительно улыбаясь, – спеть что-нибудь повеселей?

– Да.

– Не прикажете ли спеть песню дипломатическую? Собственного моего сочинения! Эта песня решает один из существенных европейских, первой важности, вопросов. Вы имеете честь быть мадьяром, ваша светлость?

Красная физиономия выпустила из себя столб табачного дыма и милостиво кивнула губами.

– Приглашаю господ патриотов внимать! Могу ли я поручиться, господа, за скромность? Нет ли между вами...

Цвибуш окинул глазами рабочих. Те закивали головами и, заинтересованные, подошли ближе.

«Что такое Австрия? – запел козлиным голосом Цвибуш. – Люди политики, князя земли, скажите мне, что такое Австрия? Не есть ли это винегрет, который готовы проглотить жадные соседи? Да, они проглотили бы, если бы в этом винегрете не было золотого ерша, которым можно подавиться. Этот ерш – Венгрия».

– Bravo, bravo! – забормотал толстяк.

«Австрия есть птица, выкрашенная во сто цветов! – про-

должал петь Цвибуш. — Она состоит из сотни членов. У нее много ног, много крыльев, много желудков, но голова только одна. Эта голова — Венгрия. Нападет зверь на птицу, проглотит все члены, но не раскусить ему черепа! Череп плотен, как слоновая кость».

— Браво, браво!

«Есть язык французский, есть немецкий, есть русский, есть венгерский. Богатству венгерского языка удивляются все мудрецы. Поезжайте же, пожалуйста, в Вену и спросите: где живет тот сфинкс, который говорит по-австрийски?»

— Браво, браво! На тебе!

Крупная серебряная монета, сверкая, слетела с окна и со звоном покатила к ногам Цвибуша. Другая такая же монета ударила о башмак Ильки. Цвибуш поднял монету и закричал:

— Тысячу благодарностей! Пойду и выпью за здоровье вашей чести! Буду пить и, клянусь своей толстой мордой, не буду дышать! За ваше здоровье я буду пить двумя горлами: обыкновенным и дыхательным! Не до дыхания будет!

Цвибуш взмахнул шляпой. В это время в окне случилось нечто неожиданное. Красная физиономия побагровела, девушка вскрикнула, и окно внезапно захлопнулось. Рабочие попятились назад и вытянулись в струнку. Цвибуш махнул шляпой назад и почувствовал за шляпой некоторое препятствие. Он оглянулся и присел. Около него стояла на дыбах, испуганная неделикатной шляпой, красивая

вороная лошадь. На лошади сидела высокая, стройная, известная всей Венгрии красавица, жена графа Гольдаугена, урожденная баронесса фон Гейленштраль. Цвибуш увидел пред собой красивейшую женщину, полную красоты, молодости, достоинства и... гнева. Она усадила лошадь и, бледная, дрожащая от гнева, пуская глазами молнии, взмахнула хлыстом.

– Негодяй! – прошептала она и чуть не слетела с седла, когда Цвибуш, оглушенный ударом, покачнулся и, падая на землю, своим большим, плотным телом ударился о передние ноги вороной лошади. Он не мог не упасть.

Удар пришелся по виску, щеке и верхней губе. Графиня была изо всей силы.

Другое женское лицо, лицо гётевской Гретхен и Ильки, окаймленное миллиардами белокурых волос, прекрасное и молодое, исказилось гневом и невыразимым отчаянием. Оно побледнело, искривилось... По нем пробежали судороги. Илька оскалила по-собачьи свои белые зубы, сделала шаг вперед и, не найдя на земле камня, пустила в графиню Гольдауген серебряной монетой. Монета коснулась только выющейся по ветру вуали и полетела к дому. Наступило странное, тяжелое молчание. Графиня и белокурая головка впились друг в друга глазами. Молчание длилось минуту. Графиня подняла хлыст, но, увидев бледное, несчастное, искаженное лицо, опустила медленно руку и медленно поехала к дому. Подъехав к крыльцу, она два раза оглянулась.

– Пусть они уйдут! – крикнула она.

Цвибуш поднялся, отряхнул пыль и, улыбаясь сквозь кровь, струившуюся по лицу, подошел к окаменевшей Ильке.

– Ты удивляешься, мой друг? – заговорил он. – Хо-хо! Твоего отца побили? Не удивляйся! Его побили не в первый, а в сорок первый раз! Пора привыкнуть!

Илька схватила отца за руку и, дрожа всем телом, припала к нему.

– О, как я счастлив! – заговорил Цвибуш, стараясь, чтобы кровь с его лица не капала на голову Ильки. – Как я счастлив! Как мне благодарить ее сиятельство! Моя скрипка цела! Я не раздавил своей скрипки!

И, схватив в одну руку арфу, а другой обхватив плечи Ильки, Цвибуш быстро зашагал обратно к аллее.

Глава II

В ту самую минуту, когда покажется конец аллеи, выходящей в степь, нужно начать считать на левой стороне букочные деревья. Между восьмым и девятым букочным опытный глаз может заметить следы когда-то существовавшей, а теперь заброшенной тропинки. Эта тропинка вьется змейкой к часовне, около которой можно найти воду. Цвибуш знал о существовании этой тропинки. Он сосчитал восемь и повернул влево. Илька последовала за ним. Им пришлось продираться сквозь густую чащу репейника, дикой конопли, болиголова и крапивы. Крапива безжалостно кусала им руки, шеи и лица, а тяжелый запах конопли и болиголова не давал им дышать. Плечи Цвибуша и Ильки покрылись паутиной. В паутине карабкались и путались паучки, большие мухи и кузнечики. Большие пауки делали непривычные *salto mortale* с их плеч на траву. Нашим путникам пришлось нарушить покой тысячам жизней.

Часовня стояла на поляне, поросшей высокой травой, на четвертичасовом расстоянии от аллеи. Это была робко высившаяся над травой, облупившаяся, поросшая мохом, лебедой и плющом, церковочка. На порыжевшей от солнца, конусообразной гладкой крыше стоял высокий бронзовый крест. Этот крест и служил путеводной звездой для Цвибуша.

– Если ручей высох, – сказал Цвибуш, – то подарок судь-

бы будет много злее подарка, который поднесла нам ее сиятельство. Мои внутренности сухи, как пергамент.

Но ручей не высох. Когда Цвибуш и Илья подошли к часовне и сняли с своих плеч паутину, на них пахнуло свежестью и послышалось журчанье. Цвибуш широко улыбнулся, положил арфу и скрипку на ступени часовни и быстро зашагал вокруг часовни, описывая своими короткими ногами спираль.

– Журчит... но в какой стороне, чёрт возьми? – захохотал он. – Ручей, где ты? Куда идти к тебе? О, память дурацкая! Пил из тебя раза два, ручей, и, неблагодарный, забыл, где ты! Узнаю в себе человека! Мы не забываем ничего, кроме наших благодетелей! О, люди! Ха-ха...

Илья, обладавшая более тонким слухом, могла бы указать, в какой стороне шумит ручей, если бы не то страшное оскорбление, которое так недавно нанесли ее старому и, по ее мнению, больному отцу. Она машинально следовала за шагавшим отцом, ничего не видя, не слыша и не понимая. Ей было не до утомления и не до жажды. Всё уступало место сильному, молодому, справедливому гневу. Она шла, глядела в землю и кусала верхнюю губу.

Глухой на одно ухо, Цвибуш описывал спираль до тех пор, пока не набрел на такое место, где уже ясно слышалось сердитое ворчанье и где под ногами чувствовалась мягкая, влажная земля.

– Ручей должен быть под липами! – сказал Цвибуш. – Вот

она, одна липа! А где же еще две? Их было ровно три, когда я, десять лет назад, пил здесь воду... Вырубили! Бедные почки! И они понадобились кому-то. А вот оно и искомое... Мое почтение! Пьем, Илька, за твое здоровье!

Цвибуш опустился на колени, бросил в сторону шляпу и прильнул пылающим лицом к холодной сверкающей поверхности... Илька машинально опустилась на одно колено и последовала примеру отца. Цвибуш пил ртом и глазами. Он видел в воде свою, покрытую кровью, физиономию и, глядя на кровоподтеки и ссадины, готовил подходящую остроту. Но острота вылетела из головы, и вода полилась изо рта обратно, когда он на зеркальной поверхности, рядом с своим лицом, увидел лицо Ильки. Он перестал пить и поднял голову.

– Илька! – сказал он, хмурясь. – Слышишь, девочка? Перестань скалить зубы! Ты не собака! Я этого не люблю! Не будь дурой!

Илька подняла голову и влажной ладонью провела себе по лбу.

– Я не люблю этого! – продолжал Цвибуш. – Оставь свою глупую привычку скалить зубы от всякого пустяка! Будь умницей! Зачем сердиться? Ты бледна, как мертвец, и дрожишь! Смотри, глупая, как умрешь от злости, так будешь знать! Перестань! Ну!..

– Не могу... Никто не имеет права, папа Цвибуш, бить тебя по лицу. Никто!

– Неужели? А я этого не знал? И без тебя знаю! Ни по

лицу, ни по спине, ни по животу... Но что же ты хочешь?

Илька провела еще раз ладонью по лбу и прошептала:

– Я хочу, чтобы никто не смел бить тебя. Я хочу... я хочу ей отомстить.

Цвибуш издал свистящий звук, нагнулся к воде и начал мыть свое лицо. Умывшись, он утерся рукавами и сказал:

– Нелепость, Илька! Пей, если еще не напилась, и пойдем к нашим инструментам. Довольно болтать глупости!

Цвибуш поднял за руку Ильку и, поглаживая живот, направился к часовне.

– Давай-ка лучше, чем сердиться, часовню посмотрим! – предложил Цвибуш.

Множество зеленых и серых ящериц бросилось к щелям и в траву, когда Цвибуш и Илька подошли к часовне. Дверь часовни с заржавленными крючьями была наглухо забита досками. Над дверью, на гладкой деревянной доске, были прибиты медные буквы. Буквы были, разумеется, латинские. Цвибуш прочел и перевел Ильке следующее: «Франциск Гольдауген – 1806. Прохожий, молись, чтобы святые ангелы сохранили его душу для рая!» Стекла в двух окнах были разбиты. Осколки их, торчавшие в полусгнивших рамах, отливали радужные цвета. Третье окно было заткнуто ячменным снопом. Окна были царством паутины и пыли.

– Франциск Гольдауген! – крикнул в окно Цвибуш.

– Гольдауген! – ответило эхо.

– Франциск Гольдауген – это брат дедушки нынешнего

графа, – сказал Цвибуш, обращаясь к Ильке. – В 1806 году он, возвращаясь со свидания, на этом самом месте был убит своим старым камердинером, который мстил за свою дочь. Так говорят одни; а другие говорят, что он подрался с своим племянником из-за какой-то девчонки и был убит. Как бы там ни было, а камердинер был повешен на этом месте. «Не убивай», говорит заповедь господня, в домах же, лесах и садах Гольдаугенов не знали заповедей божиих. Погляди-ка, Илька, в окно... Видишь св. Франциска? Лицо желто-зеленое, страшное... Теперь это изображение погасло, во время же оно оно было отлично видно и на глупых людей и женщин наводило ужас. В особенности страшно было это лицо, когда перед ним горела, как теперь помню, синяя лампада... И меня мороз драл по спине, когда я смотрел на это лицо. Суть в том, моя девочка, что художник, писавший этот образ, бежал, не окончивши своей работы. Он не дописал левого глаза, а потому правый глаз и выделялся так сильно и резал наши суеверные глаза. Лицо было тоже не окончено. Была одна только подмалевка, как говорят художники. Художник бежал, потому что влюбился в графиню. Чудак видел в ней неприступную крепость. Болван! Стоило бы ему только дать ей понять, и она повисла бы на его шее. Женщины всегда были хрупки. Они не отступают от мужчин там, где дело касается того, чего тебе не следует знать, моя невинность.

Цвибуш умолк и посмотрел на Ильку. Илька его не слушала. Она глядела в землю, шептала что-то губами и шевелила

пальцами, как бы рассуждая с собой. Цвибуш издал свистящий звук и задумался.

– Послушай, рыжая! – сказал он, нахмутив брови. – Не люблю я этого! Ты опять начинаешь скалить зубы! Пойдем, сядем!

Цвибуш и Илья сели на горячие ступени часовни.

– Где у тебя голова, девочка? – продолжал Цвибуш, глядя на бледное лицо дочери. – Отчего ты не рассуждаешь логично? Из дерева нельзя сделать стали, из тряпок не выльешь колокола. Крыса не может родить лебедя. От той женщины, родившейся от известного рода людей, нельзя ожидать ангельских поступков. Ее деды и отцы волки; может ли же она, вопреки законам природы, родиться ягненком? И она волк! Волк от головы до пяток! Будучи же волком, она не могла иначе поступить... Что же ты еще хочешь? А волков учить кушать сено – не наше дело... Рассуждай логично! Она урожденная баронесса Гейленштраль; а кто такие Гейленштрали? Это те же Гольдаугены. Первый Гейленштраль был побочным сыном Артура Гольдаугена. Баронство получил он во время Тридцатилетней войны, только благодаря своему родству с Гольдаугенами. Потом Гольдаугены женились на Гейленштралях, вторые выходили замуж за первых и т. д. В результате получились два рода, ничем не отличающиеся один от другого. Что же ты хочешь? Не хочешь ли ты, чтобы в то время, когда Гольдауген дерется, Гейленштраль полез к тебе целоваться? Гм... Нет, моя милая! Сердиться на

волков за то, что им природа дала острые зубы, могут только такие малознайки, как ты.

Цвибуш помолчал и продолжал:

— А что здесь важную роль играет природа, прекрасно видно из истории Гольдаугенов. Первый Гольдауген появился в исходе крестовых походов. Звали его Золотоглазым вампиром. Волоса на его голове и бороде были черны, как уголь, а брови и ресницы были белокуры. Благодаря этой игре природы его и прозвали Гольдаугеном¹. В его золотых глазах, говорит история, рядом с замечательным умом светилась смесь лукавства и ловкости рыси с кровожадностью голодного барса. Это была бешеная собака в самом худшем смысле этого слова. Он жрал человеческую кровь так же легко, как мы воду, покупал и продавал людей с беззастенчивостью Иуды. Сжечь деревню для него было много легче, чем для нас выкурить сигару. Он жег и с восторгом глядел на пламя. Когда победители, с Готфридом Бульонским во главе, молились впервые у гроба господня, он рыскал по окрестностям Иерусалима и нанизывал на пики головы сарацин. И в эту великую минуту он не изменил себе! Ему, говорит архив, страстно хотелось помолиться, но инстинкт бешеной собаки потянул его в другую сторону, к разрушению, к крови. Это страшное уродство, моя милая! Нельзя думать, чтобы золотоокий человек был виноват в своем уродстве. Человеку не дойти самому до таких ужасающих мерзостей, как не додуматься

¹ Гольдауген в переводе на русский язык значит — «Золотые глаза».

ему до шестого пальца на руке. Природа виновата. Она дала ему волчий мозг. От золотоокого родился сын, отличавшийся от отца только тем, что не имел золотых глаз... уродство перешло и к нему; внук имел золотые глаза и то же уродство. И так далее. Нынешний граф не имеет золотых глаз. В прошлом году умер его сын, мальчишка, который имел золотые глаза. Итак, золотые глаза передаются через человека, а уродство стало уделом каждого. Гольдаугенам, как видишь, моя милая, так же трудно отделаться от волчьих мозгов, как и от золотых глаз. Ну, теперь и посуди, моя милая, в силах ли была та красавица не хлестануть меня по губам? Природа взяла верх над рассудком, и ей иначе поступить было нельзя!

– Всё это ты врешь, отец! – взвизгнула Илька, топнув ногой. – Ты врешь! Твоим губам нет дела до ее уродства, до ее природы! Нам нет дела! Ты всё это говоришь только потому, что мне вредно сердиться. Но я ей покажу! Я ей не... не прощу! Пусть меня бог накажет, если я прощу ей эту обиду!

– Кому бы другому, а не тебе, ягненок, так храбриться! Ягненку храбриться против волка значит только терять напрасно слова... Замолчим лучше!

Илька поднялась, накинула на плечо ремень арфы и подбородком указала на тропинку.

– Отдохнуть разве не хочешь? – спросил отец.

Илька промолчала. Цвибуш встал, взял под мышку скрипку, крикнул и зашагал к аллее. Он привык слушаться Ильку. Час спустя они шли уже, едва волоча свои утомленные но-

ги, по пыльной, горячей дороге. Впереди их, за полосой синевших рощ и садов, белели колокольни и ратуша маленького венгерского городка. По левую руку пестрела красивая деревушка Гольдауген.

— Где есть суд? Здесь или там? — спросила Илька, указывая на город и деревню.

— Суд? Гм... Суд есть и в городе и в деревне. В городе судят, мое золото, городских, а в деревне гольдаугенских...

Илька остановилась и, после некоторого размышления, пошла по дороге, ведущей к деревне.

— Куда? Зачем ты? — спросил Цвибуш. — Что тебе там делать? Храни тебя бог ходить к этим мужикам!

— Я, папа Цвибуш, иду туда, где судят гольдаугенских.

— Для чего же? Ради бога! Ты сумасбродка, душа моя! В городе мы можем пообедать и выпить пива, а здесь же что мы будем делать?

— Что делать? Очень просто! Мы будем судиться с той бесовестной негодяйкой!

— Да ты дура, дочка! Ты с ума сошла! Ты потеряла всякое умение соображать, голубушка! Или ты, может быть, шутишь?

— Не шучу я, отец! Я удивляюсь даже, как это ты, при всем своем самолюбию, можешь относиться так хладнокровно к этой обиде! Коли хочешь, ступай в город! Я сама пойду в суд и потребую, чтобы ее наказали!

Цвибуш взглянул на лицо Ильки, пожал плечами и пошел

за непослушной дочкой, бормоча, жестикулируя руками и издавая свистящие звуки.

– Дура ты, Илька! – сказал он, вздыхая, когда они переходили мост, переброшенный через реку. – Дура! Назови меня лысым чёртом, если только ты не выйдешь из этой деревни с носом! Извини меня, дочка, но, честное слово, ты сегодня глупа, как пескарь!

Они прошли мост и вступили в деревню. На улицах не было ни души. Всё было занято полевыми и садовыми работами. Долго пришлось им колесить по деревне и водить вокруг глазами, пока им не попалась навстречу маленькая, сморщенная, как высохшая дынная корка, старуха.

– Позвольте спросить, – обратилась Илька к старухе, – где живет здесь судья?

– Судья? У нас, барышня, три судьи, – отвечала старуха. – Один из них давно уж никого не судит. Он лежит, разбитый параличом, десять лет. Другой не занимается теперь делом, а живет помещиком. Он женился на богатой, взял в приданое землю, – до суда ли ему теперь? Но и он уже старик... Женился лет пятнадцать тому назад, когда у меня помер мой старший сын, помяни, господи, его душу...

– А третий? Где живет третий?

– Третий? Третий еще судит... Но тоже уже никуда не годится... Старичок! Ему бы спать теперь в могиле, а не драки разбирать... Живет он... Видите зеленое крыльцо? Видите? Ну, там он и живет...

Цвибуш и Илья поблагодарили старуху и направились к зеленому крыльцу. Судью они застали дома. Он стоял у себя на дворе, под старой развесистой шелковицей и палкой сби-вал черные, переспелые ягоды. Губы его и подбородок были выкрашены в лиловый, синий и бакановый цвета. Рот был полон. Судья жевал ленивее быков, которым надоело жевать свою жвачку.

Цвибуш снял шляпу и поклонился судье.

– Осмеливаюсь обеспокоить вашу честь одним единствен-ным вопросом, – сказал он. – Вы изволите быть судьей?

Судья обвел глазами своих непрошенных гостей и, про-глотив жвачку, сказал:

– Я судья, но только до обеда.

– А вы изволили уже покушать?

– Ну да... Я обедаю в половине третьего... Это вам долж-но быть известно. По праздникам я обедаю в половине вто-рого.

– *Plenus venter non studet libenter*², ваша честь! Хе-хе-хе... Вы изволите говорить истину. Но, ваша честь, нет правил без исключений!

– У меня есть... Я не признаю в данном случае исключе-ний. Я сужу людей только натошак, старина, когда я менее всего расположен сентиментальничать. Десять лет тому на-зад я пробовал судить после обеда... Я что же выходило? Знаешь, что выходило, старина? Я приговаривал к наказа-

² Сытое брюхо к учению глухо (*лат.*).

нию одной степенью ниже... А это не всегда справедливо! Однако ты толст, как стоведерная бочка! Ты, вероятно, ешь много? И тебе не жарко носить на себе столько лишнего мяса? А это что за девочка?

– Это, ваша честь, моя дочь... Она-то и является к вам просительницей.

– Гм... Так... Подойди поближе, красавица! Что тебе нужно?

Илька подошла к судье и дрожащим голосом рассказала ему всё то, что произошло во дворе графов Гольдаугенов. Судья выслушал ее, посмотрел на губы Цвибуша, улыбнулся и спросил:

– Так что же тебе, красавица, нужно?

– Я хочу, чтобы вы наказали эту женщину!..

– Так... Хорошо... С большим удовольствием! Сейчас же мы засадим ее в тюрьму... Послушай, старина, – обратился судья к Цвибушу. – Ты где породил эту красотку, на луне или на земле?

– На земле, ваша честь! На луне нет женщин, ваша честь, а потому там едва ли возможно выпить стакан вина за здоровье роженицы!

– Если на земле, то почему же она не знает, что... Какие же вы дураки, господа! Ах, какие дураки! Вы и дураки и чудаки!

– Почему же? – спросила Илька.

– Вероятно, потому, что мозгов нет... Гольдаугены меня

кормят и поят, а я их судить стану!? Ха-ха-ха! Гольдаугены графы, а она дочь цыгана, плохого скрипача, которого следует высечь за то, что он плохо играет на скрипке! Чудаки! Нет, не на земле вы родились! Да захочет ли она с тобой судиться? Она нарисует на повестке, которую я ей пошлю, рожу с большим носом и бросит ее под стол! А где твои свидетели? Рабочие? Держи карман! Они не такие миллионеры, чтобы отказываться от куска хлеба! Ха-ха-ха! Нашла с кем судиться! Чудачка! Нет, не ерунди, красавица! Обидно, это правда... но что же поделаешь? Света белого не переделаешь!

– Но что же мне делать?

– Дать тряпку своему отцу, чтобы он завязал себе губу. От мух ранка может прикиннуться... Свинцовой примочки купи... Только это я и могу посоветовать... Дать тебе еще совет, красавица? Изволь! Возьми своего толстого папашу под ручку и уходи... Не могу видеть дураков! Избавьте себя от присутствия судьи несправедливого, а мне дайте возможность не беседовать с вами.

– Но что же мне делать? – опять спросила Илья, ломая пальцы.

– Гм... Третьего совета хочешь? Изволь! Сделайся такой же графиней, как она. Тогда ты будешь иметь полное право судиться с ней! Полное право! Ха-ха-ха! Сделайся графиней! Честное слово! Ты тогда будешь судиться с ней сколько твоей душе угодно! Никто и ничто не помешает! Впрочем... прощайте! Мне некогда! Оставьте меня. Пока ты не графиней

ня, я имею еще право гнать тебя так неделикатно подальше от моего полного желудка и ленивого языка! Марш, старина! Свинцовой примочки не забудь купить!

Судья отвернулся и принялся за ягоды. Цвибуш и Илька вышли со двора и пошли к мосту. Цвибушу хотелось остаться отдохнуть в деревне, но не хотелось действовать наперекор Ильке... Он поплелся за ней, проклиная голод, щемивший его желудок. Голод мешал ему соображать...

– Мы, дочка, в город? – спросил он.

Илька не отвечала. Когда они вошли в рощу, принадлежавшую гольдаугенским крестьянам, Цвибуш спросил:

– Ты, Илька, сердисься? Отчего ты не отвечаешь на мой вопрос?

Вместо ответа Илька зашаталась и схватила себя за голову.

– Что с тобой, дочка?

Дочка остановилась и повернула к отцу свое лицо. Лицо было искажено скверной, злой улыбкой. Зубы были оскалены по-собачьи...

– Ради бога, что с тобой?

Илька подняла вверх руки, откинула назад голову и широко раскрыла рот... Резкий грудной крик понесся по роще. Крупные слезы ручьем полились из голубых глаз дочери оскорбленного отца... Илька зарыдала и захохотала.

– Что с тобой? Можно ли так сердиться?

Цвибуш заплакал и принялся целовать свою дочь.

– Можно ли так? Сядь, Илька! Ради бога, сядь! Ну, да садись же!

Цвибуш положил свои большие потные руки на ее прыгающие плечи и подавил вниз.

– Сядь! Мы посидим в тени, и ты успокоишься! Идем под эту вербу! А вот и ручей! Хочешь водицы? Вербы всегда растут у воды. Где есть вербы, там следует искать воду! Сядем!

Цвибуш понес Ильку к вербе, согнул ее колена и посадил на траву. Рыдания становились всё сильнее и сильнее...

– Полно, дочь моя! Имеем ли мы право так оскорбляться? Разве мы никого не оскорбляем? Можешь ли ты поручиться, что твой отец никого никогда не оскорблял безнаказанно? Оскорблял я! Мне сегодня только заплатили.

Раздался выстрел. Цепляясь за ветви, шелестя и хлопая крыльями, слетела с вербы птица и упала на фартук Ильки. То была молодая орлица. Одна дробина попала ей в глаз, а другая раздробила клюв...

– Посмотри, моя милая! В лице этой птицы сильно оскорблена природа... Это оскорбление много выше нашего... Терпит природа... Не наказывает же, не мстит...

Затрещали кусты, и Цвибуш увидел перед собой высокого, статного, в высшей степени красивого человека, с большой окладистой бородой и смуглым лицом. Он держал в одной руке ружье, а в другой соломенную шляпу с широкими полями. Увидев свою дичь на коленях хорошенькой рыдающей девушки, он остановился как вкопанный.

– Впрочем, этот человек уже наказан! – сказал Цвибуш. – Сильно наказан! Его грехи бледнеют перед той карой, какую он несет! Рекомендую тебе, Илька, графа Вунича, барона Зайниц. Здравствуйте, граф и барон! Чего в вас больше, графства или баронства? В вашей чертовски красивой фигуре много того и другого... Вот она, ваша дичь! Моя дочь отпевает ее.

Барон Артур фон Зайниц мужчина лет двадцати восьми – не более, но на вид ему за тридцать. Лицо его еще красиво, свежо, но на этом лице, у глаз и в углах рта, вы найдете морщинки, которые встречаются у людей уже поживших и многое перенесших. По прекрасному смуглому лицу бороздой проехала молодость с ее неудачами, радостями, горем, попойками, развратом. В глазах сытость, скука... Губы сложены в покорную и в то же время насмешливую улыбку, которая сделалась привычной... Черные волосы барона фон Зайниц длинные и вьются кудрями. Они напоминают собой волосы молоденькой институтки, еще не завивавшей своих волос в косы. Артур редко купается, а поэтому и волосы его и шея грязны и лоснятся на солнце. Одет он небогато и просто... Костюм его незатейлив и крайне неопределенен... Воротнички грязной сорочки выдают, что барон не следует моде. Такие воротнички носили четыре года тому назад. Галстух черный, потертый и ленточкой; его узел, связанный некрасиво и наскоро, сполз на сторону и грозит развязаться... Куртка и жилет роскошны; они покрыты пятнами, но

они новы. Сшиты они из дорогой серой материи, приготовленной из лучшего козьего пуха. Потертые, давно уже отживающие свой век, шёлковые панталоны плотно облегают его мускулистые бедра и очень красиво теряются выше колен в складках высоких блестящих голенищ. Каблуки на сапогах искривлены и наполовину стерты. На жилетке из козьего пуха покоится цепочка из нового металла. К цепочке прицеплено шесть золотых медальонов, золотой аист с брильянтовыми глазами и маленькое, очень искусно сделанное, ружье с золотым дулом и платиновым прикладом. На прикладе этого ружья можно прочесть следующее: «Барону Артуру фон Зайниц. Общество вайстафских и соленогорских охотников». Не спрашивайте у барона, который час: к карманному концу цепочки прицеплены не часы, а ключ и оловянный свисток.

Род баронов Зайниц не может похвалиться своею древностью. Он ведет свое начало с первого десятилетия настоящего столетия, только. У Артура хранится «История баронов фон Зайниц», маленькая брошюрка, заказанная во время оно отцом Артура, Карлом, одному заезжему ученому шведскому пастору. Услужливый пастор взял большие деньги и, сочиняя родословное дерево милостивых баронов, не щадил ни бумаги, ни правды. Родословную повел он с одиннадцатого столетия. Брошюрке этой, разумеется, многие поверили; поверили в особенности те, которым не было надобности контролировать пастора. Но Зайницам пришлось по-

краснеть за свою брошюру, когда одна очень услужливая иллюстрированная газета, желая прислужиться, напечатала их герб и родословную, более похожую на правду, чем та, за которую было заплачено пастору. Первый барон Зайниц был простой дворянин, женатый на дочери банкира, выкрестившегося еврея. Это была личность ничтожная во всех отношениях, пресмыкающаяся, вечно голодная и любящая деньги больше всего на свете. Она невидимо прожила бы свой век и навсегда стусевалась бы в памяти людской, если бы не фортуна, которая улыбалась ей и милостиво и постоянно... У первого Зайница было два брата. Один из них был иезуитом, читал в каком-то университете физику и собственными руками пробил себе путь к кардинальству. Другой брат был придворным поэтом и зятем лейб-медика. Благодаря сильной протекции этих двух братьев и деньгам тестя-банкира, имевшего крупные денежные связи, грамота на баронство фон Зайниц досталась не так трудно, как тому первому Зайницу, о котором врал шведский пастор. Второй Зайниц, дед Артура, дрался под Аустерлицем и умер профессором военной академии. Этот Зайниц был портретом своего дяди-кардинала и, подобно ему, был более кабинетным человеком, чем солдатом или помещиком. Отец Артура напоминал собой первого Зайница. Это тоже ничтожная, невзрачная, ничего не стоящая личность. Малообразованный, ограниченный, слабый физически и нравственно, он задался целью расточить в пух и прах всё то, что улыбающаяся фортуна

дала его деду и отцу. Задача, однако, оказалась не легкой. Баронство Зайниц занимает не малое пространство. Железная дорога пересекает его в двух местах. Оно считается, благодаря своим садам, виноградникам и почве, одним из богатейших и роскошнейших поместий. Находящиеся на нем конский завод и суконная фабрика, вместе взятые, давали баронам две тысячи четыреста франков в день, а об остальном и говорить нечего. Расточить такое богатство – не легкая задача, но у Карла фон Зайниц были отличные помощники. Помогали ему его сластолюбие, неумение рассуждать, доброта и его... сын. Он до конца дней своих не переставал любить женщин. Любил он отчаянно, бешено, не рассуждая и не останавливаясь ни перед какими препятствиями. Женщины были его главной расходной статьей, без которой ему едва ли бы удалось расточить *всё*. В Вене у него была некоторое время любовница. К этой любовнице ездил он на экстренном поезде с многочисленной толпой сластолюбивых прихлебателей, пивших одно только шампанское. С каждым поездом любовнице привозились подарки, которые поражали своею роскошью и слишком красноречиво говорили о безумстве барона. Подарки состояли из фамильных драгоценностей, дорогих лошадей, векселей... Горничная его венской любви получала тысячу франков в месяц и имела на всякий случай своих лошадей. По приходе и перед уходом экстренных поездов давались лукулловские обеды. В Праге была другая любовница, в Будапеште третья и т. д.

Женщины обожали его и, разумеется, за щедрость больше, чем за что-либо другое. Та масса анекдотов, которые рассказываются еще до сих пор о Карле фон Зайниц, как нельзя лучше характеризует это обожание. Из массы анекдотов приведем один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.